

Клуб рассказчиков

Лев ШТУДЕН

МИНИАТЮРЫ

ЭТЮД В ТОНАЛЬНОСТИ РЕ МАЖОР

Идёт по улице мужичок. У него в руке авоська с «горючим». Обычная картина. Особенно в такой день. Сегодня же праздник! Праздник Победы.

Авоська сетчатая. В ней, сквозь ячейки, видны две бутылки. Пиво и водка. Ну, и что тут особенного? «Чекушка с прицепом», нормальный товар. И мужичок вполне обыкновенный. Но мне, идущему сзади, почему-то интересно за ним наблюдать.

Пыльные стоптанные башмаки, но белая праздничная рубашка навывпуск. Свежевыбритая шея (недавно побывал в парикмахерской), но древняя засаленная кепка. Работяга, кормилец. Сегодня он празднует, сегодня свободен. Человеку, когда он свободен, почему не выпить? Домой идёт. Или нет, не домой, скорей в гости, а то зачем ему выглаженная белая рубашка?

На улице, по случаю праздника, машин нет, её перегородили для

гуляния. Хошь вдоль иди, хошь поперёк. Мужик идёт по синусоиде, так ему интересней. В походке видна горделивость – в своём праве человек...

Вот он идёт, он скоро уже придёт, – краткость пути выдаёт его нетерпеливое возбуждение – прямо к столу, за которым сидят кореша с завода, к сыру «Витязь», кастрюле с винегретом, рыбке копчёной, рыбке вяленой и дымящейся варёной картошке. Всё прекрасно, всё путём, сегодня он в ладу с собою и миром.

Должно быть, думает: погугорим сперва. Потом, для начала, по шкалику... По полному, естественно. Потом ещё. И дальше вперёд.

От любой музыки, когда мы в ней ощущаем возбуждающий пульс ликования, чего мы ждём? Ну конечно, завершающего forte с медью и литаврами... А организм человека – ведь он тоже оркестр – разве не стремится увенчать праздничную суету своих движений какой-нибудь подходящей выходкой: то ли прыжком дурашливым, то ли локтей встряхиванием, то ли – при умении – ходьбой на руках?

Штуден Лев Леонидович родился 20 декабря 1938 года в Ярославле. Окончил радиофизический факультет Томского государственного университета и теоретико-композиторский факультет Новосибирской государственной консерватории. Работал в Институте автоматки и электротехники Сибирского отделения Академии наук СССР, в геологических партиях, редактором издательства и преподавателем учебных заведений различных уровней — от детской школы до вуза. Публиковался в журналах «Нева», «Сибирские огни», «Новосибирск». Автор более десяти книг различных жанров. Перу Л. Штудена принадлежат два сборника прозы: «Другие люди» (1985) и «Дорога к старому дому» (1989), изданных в Новосибирске.

Я не знаю, что в эти минуты происходит с не-нашими людьми, – скажем, с немцами или финнами, Скорей всего, ничего не происходит. Но наш-то человек не может вот просто так идти и радоваться!

Что же вытворил наблюдаемый мною мужичок? То единственное, вероятно, что в настоящую минуту он мог: взмахнув сеткой, он лихо закинул её за спину. Слишком лихо. Результат получился неожиданным: бутылка водки, провалившись сквозь рваную ячейку, выскользнула из авоськи, блеснула на солнышке и грохнулась об асфальт.

Наблюдая, я остановился. Что дальше-то?

Мужик сначала выглядел озадаченным. Не то, чтобы сразу не мог понять, что случилось с водкой – нет, это он сообразил, – но внутри его существа в данный момент происходил тектонический сдвиг мировосприятия. Переворот мыслей, так сказать. Новое осознание реальности... Процесс оч-чень серьёзный. Для которого, конечно, требовалось время. При этом он даже не матерился вслух... Одним лишь взглядом. Таким гневным, таким негодующим!

Как я понимаю, он был зол всем не на себя, такого неловкого растяпу, – нет, он был зол на кого-то постороннего – Того, Кто Виноват. Кто в настоящий момент поступил с ним так несправедливо и так жестоко! В нём закипала обида... На судьбу, о которой он мало думал? На Бога, в которого не верил? В любом случае, это было метафизическое чувство негодования.

Он взял за горлышко оставшуюся в живых бутылку пива, взял, не вынимая из авоськи, подошёл к обочине и, размахнувшись, шваркнул её о парапет. Может, и правда, в это время он ярился на судьбу? Разбивая вдрызг единственный

оставшийся у него сосуд, не грозил ли он ей:

– Ах, ты мне подлости делаешь, с-сука? Так на же тебе, гадина! Жри!

И гордо двинулся дальше, теперь уже по прямой.

Уверенным – даже, пожалуй, победным – шагом. К нему вернулось равновесие: он наказал ЕЁ.

В тот момент мне вспомнилась фраза, которой так любит заканчивать свои скетчи наш известный шоумен и суперпатриот Михаил Задорнов:

– Этот народ победить нельзя!

ВИНОВАТ

Вчера я совершил грех, обидел хорошего человека.

Дело было на базаре, в мясном ряду. Косточку для борща мне надо было выбрать, жена наказала. Иду, смотрю. Продавщицы-балаболки наперебой галдят, – зазывают. Мешают смотреть. Я этого не люблю. С трудом от них отбреживаюсь, так надоедают... «Телятинка свежайшая!» «Голимая мякоть!» «Печёночка!» «Рёбрышки!» «Антрекотики!». Одна бабёнка аж обе руки призывно протянула: «Ко мне подойдите, не пожалеете, я вам задок покажу!»

– Не надо мне показывать ваш задок!!! – огрызнулся я.

Бабы прыснули. Сразу затем голос подала товарка обладательницы задочка, обширная бабенция с расписными щеками:

– Ну, тогда, может, ко мне подойдёте, мужчина? Если вы в силе, если вполне ещё состоятельны, так я вам покажу передок!

Вот бесстыжая морда, – опешил я. Она ещё на мою состоятельность намекает? Подхожу вплотную. Говорю:

– Спасибо, это заманчиво звучит... Но, знаете, подержанный товар меня не интересует.

Вот прямо так и вклепил... А, собственно говоря, зачем? Она аж осунулась после этой моей реплики. Ничего не нашлась ответить. Тоже и бабы, вместо шуток, промолчали скорбно. Как-то это вышло... ну, не совсем хорошо, – а, граждане?

В раскаянии и задумчивости я отошёл от прилавка... Даже загрустил.

Деликатней надо обращаться с щедрыми женщинами!

МОГУЧИЙ ЧЕЛОВЕК

Мой очередной приезд в N-ск, летом. Площадка вблизи древней крепости, возле цветочных торговых и трамвайной гремучей линии.

Над цветами и корзинками, над платками торговки стоит, озираясь и покачиваясь, полупьяный мужик, широченная орясина с бровями, скульптурно изогнутыми. Из-под них, вместо глаз, – водянистая муть, сияющая быть пристальной, на меня уставленная. Размеры орясины заставляют вспомнить о былинных временах, когда, для транспортировки вот таких вооружённых монстров, нужны были лошади-тяжеловесы.

– Эй, мужик. Погоди...

Мимо не пройдёшь, Реликт загораживает тротуар, как шкаф загородил бы прихожую. Останавливаюсь.

– Тебе чего?..

– Посмотри на меня.

– Ну, и?..

– Внимательно посмотри.

– И что?

– Сколько мне лет, как думаешь?

Орясина, при всей своей небриности и неопрятности, выглядит

никак не старше шестидесяти, и к тому ж он жёсткой пятернёй впился мне в пиджак – силён ещё... Да не так уж и стар. От сивушного перегара, им источаемого и древнего, как руины той самой крепости, становится тяжело дышать.

– Шестидесят, наверное? – примирительно говорю, пытаюсь отцепить чугунную клешню от тощего моего пиджака.

– Х-ха-а-а! Хрен тебе в зубы, шестидесят! Восемьдесят два не хошь?

Демонстрируя щербатый рот, он победно ослабился,

– Пил бы меньше, ещё бы дольше прожил, – проворчал я.

– Ты меня ещё учить будешь?!

Его рёв ничуть не уступал в своей мощи звуку взлетающего реактивного самолёта. Мне, наконец, удалось отодрать от себя его пальцы. Он вдруг успокоился, тихо сказал:

– Посмотрел? Ладно. Теперь давай пять рублей.

Я их отдал легко. Дал бы и пятьдесят за такой цирк! За яркую встречу, во время которой реликтовое чудище за скромную мзду продемонстрировало мне, случайному прохожему, свою непробиваемую живучесть. Порох в пороховницах. Мощь былинную. Р-р-русь-матушку. Давно всеми позабытую пра-славянскую статью.

Вероятно, это был его хлеб, его промысел, законная добыча для ежедневного пропоя и прокорма... Он себя показал как экспонат кунтскамеры, а за просмотр, конечно, полагается плата... И всё нормально. Не мне его судить. Витязю на пенсии, в наше-то суровое время, разве зазорно как-нибудь себя приобщить к товарно-денежным отношениям?

МГНОВЕНИЕ

Дело было в Москве. Я сильно запаздывал из гостей, в метро вошёл перед последним поездом. Вестибюль был почти совершенно пуст, но в нём было почему-то шумно. Присмотрелся: шумели двое влюблённых. Их визги, хохот и чмоканье разносились в мраморной пустоте отчаянно гулко. Оба вели себя как чета сумасшедших, отколовшихся в экстазе от карнавальная толпы и не обративших внимания на то, где теперь они находятся. Впрочем, в этот поздний час им и некого было стесняться.

Мы оказались в одном вагоне, также почти пустом. Я сел напротив, На меня, стороннего наблюдателя, им было категорически наплевать. Вели они себя как парочка щенят-подростков, выпущенных любящими хозяевами погожим днём на волю. Толкали, щипали, кусали друг друга – поцелуев им не хватало для ликования! – хихикали, блаженно мычали. Это был абсолютно нахальный, стопроцентно беззастенчивый апофеоз любовной радости.

Вот так, позабыв обо всём на свете, увлечённые лишь друг другом, два дурачка шумно праздновали жизнь, – мне ли было им не позавидовать? И наступила у них, наконец, минутная пауза, чуток оба притомились. Юноша, в довольном безмыслии, полуприкрыв глаза, откинулся на спинку сиденья. Как хорошо человеку, когда его ум молчит, когда инстинкты людских тревог, забот, опасностей молчат вместе с ним... Мужская прямая стать! Я её узнавал. Парнем владела любовь, и ничто постороннее, не причастное к ней, не имело для него смысла в этом мире.

Не то было с нею. Она почувствовала моё внимание и ясно, очень чётко, очень оценивающе

на меня посмотрела... Это длилось секунду всего, но острый её взгляд я не забуду. Тут-то понял я, что практическое сознание этой женщины, сознание трезвое, взвешивающее, всё окрест замечающее, – не выключалось никогда, даже во время бурных игр, ласк и поцелуев, оно всегда было на страже, прикидывало резоны, следствия и последствия, фиксировало лица и события – и внешность мужика, сидящего напротив, и голос диктора, объявляющего остановки, всё решительно, а любовная игра была хорошо рассчитанным спектаклем и управлялась из «командного пункта» рационально и безошибочно.

Мне стало не по себе... Словно душу пронзил взгляд охотника.

К счастью, в тот момент я не был дичью.

УРОК РУССКОГО ЯЗЫКА

Однажды моя умница-дочь, учившаяся в то время в 5 классе средней школы, задала такой вопрос:

– Папа, ты знаешь, что такое синонимы?

– Знаю. Слова, которые обозначают одно и то же.

– Ага, правильно. Нам Татьяна Семёновна так и объяснила. Значит, мне теперь надо подобрать три слова, которые, будут... ну, это... синонимы. Проверь, пожалуйста, я правильно подобрала – мент, мусор, лягавый?

Я опешил.

– Доча, ты где слов-то таких набралась?

– Неважно. Так правильно?..

Я вынужден был признать, что это действительно синонимы. Ужасные, но – да, синонимы. Поскольку мой встречный вопрос остался без ответа, пришлось задать его Татьяне Семёновне, с

которой я был хорошо знаком и, выгуливая собак, мы по утрам иногда болтали с нею в скверике нашего микрорайона.

– Ну, вариант Вашей дочери далеко не самый brutальный, – рассмеялась она. – Как Вам, к примеру, такое: кобель подзаборный, змей ползучий, козёл вонючий? Это мама так называет папу. Или – оторва, тварь, стервоза, паразитка? Мама так называет старшую сестру. Или... но как папа называет маму – это уж не для печати. А когда папа напьётся, то...

– Знаю, тут всё просто. Поддал. Вмазал. Врезал. Бухнул. Чекалдыкнул. Чебурахнул. И как там ещё?

– Залил шары. Заложил за воротник. Наклюкался. Нажрался. Назюзюкался, – свободно, как вдохновенно импровизирующий пианист, подхватила Татьяна Семёновна. – Ну, и результат этого процесса...

– Тоже знаю: до потери пульса, до поросычьего визга, до положения риз, до зелёных чертей...

– Вот-вот. Сплошные синонимы. Так что ответ на вопрос, почему наши дети знают и помнят это всё, вполне очевиден. Живут-то в России?

Я кивнул, и мы переменяли тему.

ЭТО БЫЛО СТРАШНО...

Летний день. Маревое. Солнце едва просматривается сквозь дымку. На обочине городского парка, там, где уже не росли деревья, а была большая поляна – блёклая зелень, слегка помеченная брызгами фиолетовых цветов – прямо посередине этой пустоши я увидел детскую коляску. Никого не было видно ни возле неё, ни поодаль. Не только кого-то из родителей,

бабушек или, там, старших детей – никого вообще. Мне это показалось странным, даже возникло тревожное чувство. Я ждал: появится кто-нибудь или нет? Обычно ведь, когда коляску с младенцем оставляют ненадолго на вольном воздухе, то происходит это около магазина, или аптеки, или киоска какого-нибудь... Но вблизи никаких строений не было.

Решил я, наконец, подойти, посмотреть. Может, в коляске-то и нет никого? Нет, там лежал ребёнок. На вид полугодовалый, примерно. И лицо... вряд ли я могу описать причину оторопи, которая мною овладела, едва я на него взглянул. Лицо было абсолютно гладким, ровного бледного цвета – ничего, напоминающего румянец, – и на этом лице были открытые, умные, неподвижные глаза. Младенец смотрел в небо. Не просто смотрел – он созерцал его. Если б я увидел такое выражение на лице взрослого, я бы решил, что он медитирует.

Над нами пролетела, шумя крыльями, стайка голубей.

Младенец их увидел и произнёс отчётливо:

– Птички полетели...

Я обомлел. Может, мне почудилось? Да ведь нет, я эти слова ТОЧНО СЛЫШАЛ! Но как это может быть? Ему же не больше, чем шесть месяцев, что за чертовщина? Я ждал, что он скажет ещё. Нет, не дождался. Младенец возобновил своё надмирное созерцание, и никакие звуки больше не нарушали заповедную тишину, в которой коляска плыла через вечность, как шлюпка в полный штиль посреди моря.

Это что же происходит? Где я вообще нахожусь? В параллельной вселенной, что ли? Или, быть может, инопланетяне его сюда забросили?

Мне стало сильно не по себе, я поспешил уйти.

ЭКСПЕРИМЕНТ

Я спешил на день рождения к приятельнице, вёз с собою коробку конфет и букетик цветов – всё, что в таких случаях для приличия полагается. На какие-нибудь изыски, кроме этих банальных подарков – не то, чтобы фантазии не хватило у меня, но просто сил никаких не было: в вечернее время, в будний день, после работы – откуда фантазия, откуда силы? Мечтал просто доехать до её дома, упасть на диван – и уже ни о чём, кроме выбора подходящей рюмки, не думать. И старина-автобус, который, кряхтя и стеноя, меня влёт к заветному дому, тоже не располагал к весеннему настроению... Тем более, что была осень.

Салон автобуса, к счастью, не был полон, все сидели на своих местах, такие же квёлые, со смертной скукой в потухших глазах. Возможно, что-то случилось с атмосферным давлением, или магнитная буря над городом бушевала, – не знаю... Бывают же такие дни, когда вроде и не делал ничего сверх меры – а всё равно чувствуешь себя и опустошённым, и почти разбитым, – кому они известны на самом деле, капризы нашего тела?

И вот сижу – в окна не гляжу, ни на кого не оглядываюсь, не думаю вообще ни о чём, экономлю силы. За спиной слышу вдруг какие-то молодые голоса и вслед за ними – неясное возбуждение, как будто потревожил кто-то шестом болотную ряску. Волны пошли... Минуту спустя вдруг прямо за своей спиной слышу девичий голос и озвученный этим голосом довольно-таки странный вопрос:

– Улыбаетесь ли вы в этой жизни?

Сонливость с меня – как рукой... Оборачиваюсь и вижу двух моло-

дых ребят – студенты, наверное, и бродят они по проходу вдоль автобусных сидений, с одним и тем же вопросом... Наклоняясь, спрашивают. И натываются на одну и ту же реакцию: мол, вы чё, ребята, с бодуна или как? Или вааще вам делать нечего? Спасибо хоть, что не обматерили. Но на это, я полагаю, ни у кого в тот вечер не было сил. А ребята так же терпеливо, вежливо наклоняются над каждой согбенной фигурой и над каждой потерянной головой, чтоб задать этот внезапный, никому не понятный, уму не постижимый вопрос.

Откуда они, кто их послал? На официальный опрос это не похоже, и не похоже вообще ни на какую социологическую службу. Никакой ВЦИОМ не интересуется улыбками граждан, – тут явно инициатива снизу, – может быть, сегодняшний экспромт вот этих самых двух жизнерадостных ребятешек. Зачем они пошли на такой своеобразный и в чём-то рискованный эксперимент, почти наверняка зная о результатах? Может, надеются на чудо?

Настала моя очередь, и девушка, доброжелательно надо мной наклонившись, спросила:

– Улыбаетесь ли вы в этой жизни?

– Конечно! – сказал я и подтвердил свои слова улыбкой. – Вот, например, я улыбнулся, когда покупал для вас этот букет...

Я протянул ей цветы. От неожиданности она перестала улыбаться.

– Это для меня? Вы не шутите?

– Что вы, что вы. Я этим не шучу. Берите, они ваши!

...За цветами мне пришлось возвращаться к тому же цветочному киоску и вторично проделать путешествие назад, по тому же маршруту. На день рождения я, конечно, опоздал. Но настроение в течение вечера было всё равно прекрасным.